

ПОЛНЫЙ ЧЕМОДАН КНИГ И МОНЕТА С ДЫРОЧКОЙ ИЗ МЕРОЭ

Ренат Беккин

Шейх Мухаммад 'Али

О Судане я начал мечтать еще в 1998-м, когда мы с моим согруппником Колей Лукашиным нежданно-негаданно угодили в правление Общества дружбы с этим африканским государством. Заманил нас туда наш преподаватель Борис Васильевич Романов, или неофициально БарВас, читавший для всех желающих факультативный курс основ суданского диалекта арабского языка.

Пару раз мы появились на заседании Общества, где познакомились с актрисой Любовью Соколовой, также почему-то оказавшейся среди членов правления. Очень скоро мы поняли, что участие в Обществе не дает нам ровным счетом ничего, кроме возможности практиковать время от времени арабский язык с его носителями. О нашей поездке в Судан речи не шло, и, чувствуя себя лишними на заседаниях Общества, мы с Колей вскоре перестали их посещать. Но желание съездить в Судан в нас не погибло.

Во время одного из приемов в посольстве мы познакомились с культурным атташе по имени Усама. Я подарил ему сборник научных трудов членов руководимого мною Исламского клуба МГИМО, открывавшегося моей же статьей о нарушении прав человека в мусульманских странах, в том числе и в Судане. Усама долго благодарил меня за сборник, обещал помочь с поездкой в Судан «за счет приглашающей стороны», но потом куда-то пропал. Наверное, ознакомился с содержанием сборника. Или просто оказался необязательным, как многие африканцы.

Потребовалось всего каких-то десять лет, прежде чем у меня появилась реальная возможность отправиться в Судан.

Кто был на мусульманском Востоке, знает: ехать туда без рекомендации – дело бессмысленное и порою опасное. За два дня до поездки я позвонил своему знакомому, Мухаммаду. Он обещал что-нибудь придумать.

На следующий день мы созвонились. Мухаммад продиктовал мне длинный номер.

– Это телефон шейха Мухаммада 'Али. Позвони ему и скажи что от меня. Он в курсе.

Я долго настраивался, прежде чем набрать номер шейха. Не столько потому, что мне всегда неудобно просить о чем-то совершенно незнакомого человека, сколько потому что я не ручался за свой слегка подзабытый арабский. Не стал рисковать – попросил коллегу из РГГУ. Она мило пообщалась с шейхом и подтвердила, что мои опасения напрасны: у шейха красивый литературный арабский. Он сказал, что сейчас находится в Мекке, но он даст мне номер телефона доктора Сиддика, который сделает для меня все, что я попрошу. Поначалу я расстроился. Типичное отфутболивание: я занят,

позвони тому-то, тот, в свою очередь, скажет, что тоже занят, попросит позвонить еще кому-нибудь. А у нас билеты и визы уже на руках, и обратного хода нет.

Погоревал пару часов, но все-таки решил позвонить доктору Сиддику. Тот и в самом деле был предупрежден шейхом о моем звонке: я даже услышал какую-то радость в его голосе. Доктор Сиддик попросил меня отправить факс с описанием круга интересующих нас вопросов. Нас – это меня и аспирантки Института Африки РАН Юлии, которую мне не без труда удалось уговорить отправиться в Судан. Договорились, что ее командировка продлится неделю, а моя – вдвое больше.

В конце разговора доктор Сиддик пообещал, что сделает программу нашей поездки насыщенной, и у нас будет много интересных и полезных встреч.

После такого я не мог не позвонить шейху Мухаммаду 'Али и не поблагодарить его. У него и в самом деле был неплохой литературный арабский. Мы условились встретиться в Судане.

Исламская экономика в отдельно взятой стране

Целью нашей научной экспедиции было изучение системы денежных переводов в Судане. Однако с моей стороны было бы непростительной глупостью оставить без внимания деятельность банков, страховых компаний и других финансовых институтов. Дело в том, что Судан – единственная в мире страна, где весь финансовый сектор функционирует в соответствии с требованиями шариата. Причем не вопреки всему остальному миру, а скорее благодаря ему. Первое время большую помощь Судану в деле развития исламских финансов оказала Саудовская Аравия, а потом подключился и МВФ – организация, которую сложно заподозрить в симпатиях к непроцентным методам финансирования.

Первые попытки полностью исламизировать финансовый сектор были предприняты президентом Джа'фаром Нимейри в первой половине 1980-х гг. Видя реальное усиление влияния сторонников реформ в духе ислама во главе с Хасаном ат-Тураби, Нимейри, находившийся у власти с 1969 г., решил опередить своих противников и ввести в стране шариатское законодательство как в уголовной сфере, так и в частно-правовой и финансовой. Всем банкам в одночасье было предписано перейти на исламские методы финансирования с 1983 г. В качестве объекта для подражания были выбраны Иран и Пакистан, где аналогичные реформы начались несколькими годами ранее.

Ошибка Нимейри было то, что он в административном порядке решил исламизировать все стороны жизни людей, в том числе и финансовую. К 1983 г. только 4 суданских банка были исламскими. Остальные пока были не готовы работать в соответствии с принципами шариата. Но когда после свержения Нимейри в 1985 г. был поднят вопрос об отмене исламской банковской системы в стране, на ее защиту встали многие – и бизнесмены, и рядовые граждане. С конца 1980-х гг. с приходом к власти нынешнего президента аль-Башира реформы по исламизации финансового сектора продолжились.

В настоящее время в Судане могут работать только банки, использующие в своей работе исламские методы финансирования. То же можно сказать и о страховом секторе, где представлены только страховщики, работающие на основе исламских принципов. Однако полноценное функционирование исламского финансового сектора было

бы невозможно без структурируемых в соответствии с требованиями шариата ценных бумаг, котируемых на Хартумской фондовой бирже. Иными словами, в Судане уже к концу 1990-х была фактически создана исламская финансовая инфраструктура в виде исламских финансовых институтов и инструментов различного уровня.

Однако года полтора назад чистоту эксперимента по созданию и функционированию исламских финансов в Судане нарушило решение Банка Южного Судана запретить действующим на юге страны банкам применять исламские методы финансирования. Исламским банкам, работавшим на Юге, фактически был предъявлен ультиматум: либо преобразоваться в традиционные (неисламские) банки, либо закрыть свои отделения и покинуть этот беспокойный суданский регион. Исламские банки предпочли уйти, чем поступиться своими принципами. В итоге целостность исламской финансовой системы в Судане была нарушена, причем не по экономическим причинам, как в других странах, а по политическим.

К слову сказать, уход исламских банков – не единственная уступка Югу со стороны Севера в вопросах финансов: с января 2007 г. по настоянию южан название национальной валюты, суданского динара, было изменено на прежнее – фунт. Слово «динар» вызвало у властей Южного Судана нездоровые ассоциации с исламом. При этом никто почему-то не вспомнил, что динар – это не что иное как производное от римского *денария*. Даже руководство социалистической Югославии и государств, образовавшихся после ее распада включая православную Сербию, не смущало и не смущает, что ее национальная валюта зовется динаром.

Но, как известно, нет худа без добра, и не исключено, что решение властей Южного Судана принесет не только ущерб, но и пользу исламскому финансовому сектору и исламским банкам в частности. Почти 20 лет исламские банки в Судане работали, не испытывая конкуренции со стороны традиционных (неисламских) банков. Это привело к потере креативности: исламские банки перестали разрабатывать новые механизмы, которые позволили бы клиентам получать услуги лучшего качества за меньшие деньги.

Люди ждут от исламских банков чего-то большего, чем просто банковских услуг – особенно в такой религиозной стране, как Судан. Суданцы чрезвычайно набожны. Расхожее выражение о том, что ислам – это образ жизни, – это точно о Судане.

Жадный китаец

Мы поселились недалеко от гражданского аэропорта в районе аль-‘Амарат. Говорят, есть такой вид бизнеса – фотографировать низко летящие самолеты и сбывать полученные снимки за большие деньги. В Хартуме этим можно заниматься, не покидая стен отеля. Когда поднимаешься на крышу высокого (по хартумским меркам) трехэтажного дома, кажется, что до пролетающего самолета можно легко дотянуться рукой, стоит лишь чуть приподняться на цыпочках.

Вообще, к фотографированию имеющих стратегическое значение объектов в Судане относятся крайне недоброжелательно. Но если делать это быстро и тихо, то проблем можно избежать. Например, в Хартуме запрещено фотографировать мосты и все, что около них, включая водную поверхность. Но нам удалось достаточно успешно

вести съемку из машины и с фелюги. Ради этого пришлось потратиться на небольшой круиз по Голубому Нилу до места его слияния с Белым Нилом.

Хартумские фелюги мало чем отличаются от каирских – разве что большей дешевизной. Поскольку туристов в Хартуме гораздо меньше, чем в Каире, то водный транспорт выполняет преимущественно функции маршрутного такси, доставляя пассажиров с материка на остров Тути и обратно. Остров Тути омывается водами Белого и Голубого Нила и гораздо приличнее смотрится с воздуха, когда летишь на самолете, чем с воды, когда плывешь на фелюге.

Из всех видов транспорта за неимением метро наиболее востребованным у иностранцев является моторикша, или в просторечии «тук-тук». Трехколесные драндулеты, окрашенные в желто-коричневые цвета, завозятся из Индии. Несмотря на все попытки властей суданской столицы искоренить этот архаичный вид транспорта, рикши демонстрируют свое бессмертие. На моих глазах полицейские тормозили везших меня рикш и отбирали права или вернее то, что называлось у них правами.

Рикшам в Хартуме запрещено переезжать на другой берег в города-спутники столицы: Омдурман и Северный Хартум. Поэтому некоторые экономные граждане доезжают на рикше до моста, затем переходят его пешком или пересекают на автобусе, а дальше вновь берут местного рикшу и продолжают путь.

Пожалуй, не стоит обвинять лишь рикш в нарушении правил дорожного движения. Этим грешат все: начиная от таксистов и заканчивая водителями мини-бусов – главных конкурентов рикш и рейсовых автобусов.

Однако в безвыходных случаях, когда было темно и все рикши уже спали дома, приходилось залезать в такси. Торговался с ними до последнего, за что один водила назвал меня «жадным китайцем».

Как и во многих африканских странах, не избалованных вниманием туристов, люди с другим цветом кожи делятся на две большие категории: американцев и китайцев. Поскольку с Америкой Судан давно на ножах, а с Китаем у страны давняя дружба, то в китайцы могут записать практически любого белого, даже голубоглазого блондина, особенно если дело происходит в глухой провинции. Еще в Сомали я привык к тому, что меня принимают за китайца, поэтому здесь, в Хартуме, я даже не пытался никого разубедить в этом. Китай был первой страной, которая стала сотрудничать с получившим в 1956 г. независимость Суданом. В современном Судане китайцев уважают, но, похоже, не сильно любят.

ЛЕНИН ИЗ ХАРТУМА

Не погрешу перед истиной, если скажу, что шейх Хасан ат-Тураби – один из самых известных мусульман в мире. В мире, но не в России. Об ат-Тураби я впервые услышал на лекциях профессора Хрусталева в МГИМО в середине 1990-х. Тогда нам, студентам-арабистам, показалась невероятно смешной «фамилия» ат-Тураби (мудреного слова *нисба* мы тогда еще не знали). Смешным в наших глазах выглядел и сам профессор Хрусталев, тучный, лысый, с большими ушами, похожий на индуистское божество Ганешу – разве что без хобота. Но поскольку в индуизме мы были не сильны, то за Хрусталевым очень скоро закрепилось прозвище Тураби, о котором он любил нам подолгу рассказы-

вать. Зато «фамилия» (а на самом деле *насаб*) Бин Ладена не показалась нам столь же забавной, и потому вскоре мы забыли об этом персонаже хрустальных лекций.

Почти шесть лет – с 1990 по 1996 г. – тогда еще не столь широко известный, как теперь, Бин Ладен гостил в Судане по личному приглашению ат-Тураби. Бин Ладен отблагодарил приютившую его страну: занялся финансированием строительства дорог. Перед ат-Тураби Бин Ладен также не остался в долгу: женился на одной из его племянниц. Когда американцы затребовали выдать Бин Ладена, гостеприимные суданцы наотрез отказались сделать это, и Судан мгновенно записали в террористические государства вопреки здравому смыслу, который нашептывал что гуммиарабик – основное сырье для производства колы – экспортируется в Штаты преимущественно из Судана. Тогда американцы в отместку разбомбили фармацевтическую фабрику, решив, что там производится бактериологическое оружие для террористов, а потом вынуждены были выплатить за нее компенсацию: политика политикой, а собственность неприкосновенна.

Слушая нашего «Тураби», мы понимали, что его суданский «однофамилец» – не такой уж простой человек, раз из-за него уничтожают целую фабрику.

Позднее, когда мусульманский Восток для многих из нас стал не только предметом исследования, но и местом работы, мы узнали, что историю современного Судана и арабского мира невозможно представить без этого смуглого поджарого старика в очках. Еще будучи студентом Хартумского университета, ат-Тураби был в числе учредителей съезда суданского филиала «Братьев-мусульман» в Судане в 1955 г. С самого начала ат-Тураби показал своим единомышленникам, что его беспокоят не только внутрисуданские проблемы. В 1956 г. Судан получил независимость, а ат-Тураби, который на тот момент учился на магистра права в Лондонском университете, был избран генеральным секретарем «Исламской лиги помощи в решении алжирских проблем».

Как известно из Новейшей истории, многие выдающиеся политики прошлого столетия (Ленин, Фидель Кастро и др.) были неудавшимися адвокатами. Не был исключением и ат-Тураби: несколько лет он имел адвокатскую практику в Швейцарии, но очень скоро понял, что роль адвоката в тихой европейской стране – не для него.

Вернувшись из-за границы, ат-Тураби активно включился в революционную борьбу и стал одним из участников октябрьской революции 1964 г., результатом которой стало свержение военного режима генерала Аббуда. Ат-Тураби становится генеральным секретарем ассоциации «Братьев-мусульман» в Судане.

В 1969 г. в Судане произошел очередной государственный переворот, который поставил крест на планах «Братьев-мусульман» о введении в стране законодательства, основанного на шариате. Ат-Тураби и другие активисты «Братьев-мусульман» были арестованы. На свободу ат-Тураби вышел только через шесть лет и сразу же был вынужден покинуть страну. Вернуться ему суждено было только в 1978 г., когда все еще пребывавший у власти Джа'фар Нимейри решил разыграть исламскую карту и ослабить позиции сторонников введения шариата. В 1979 г. ат-Тураби стал генеральным прокурором Судана. Это был первый в его жизни важный государственный пост. Таким образом, ат-Тураби была отведена роль одного из разработчиков шариатского законодательства в стране – то, о чем он мечтал долгие годы, еще будучи адвокатом в тихой Швейцарии.

Когда ат-Тураби согласился стать генеральным прокурором, некоторые члены «Братьев-мусульман» обвинили его в соглашательстве. Не все понимали, что для

ат-Тураби это был лишь тактический ход, имевший целью проникновение сторонников ассоциации в органы государственной власти. Но то, что не всегда понимали некоторые «однопартийцы» ат-Тураби, хорошо понимал президент Нимейри.

В 1985 г. ат-Тураби был вновь арестован. К счастью для ат-Тураби, в апреле того же года президент Нимейри был свергнут. Несмотря на то, что пришедшее к власти в результате последовавших затем выборов правительство аль-Махди выступало против шариатского правления, именно этот период стал одним из наиболее успешных в жизни ат-Тураби. Ему удалось создать Национальный исламский фронт (НИФ) и сделать невозможное: объединить разрозненные исламские политические силы в стране. Ат-Тураби и его сторонники отстаивали шариатские законы, которые хотело отменить правительство. После того, как НИФ занял 3-е место на демократических парламентских выборах 1986 г., ат-Тураби занял пост министра юстиции и генерального прокурора в мае 1988 г., а в декабре того же года стал министром иностранных дел. В результате переворота 1989 г. ат-Тураби, занимавший к тому моменту пост вице-премьера, оказался в тюрьме, но вскоре был освобожден по распоряжению президента аль-Башира.

Пришедший к власти в результате переворота нынешний президент аль-Башир симпатизировал исламистам, но, как и его предшественники, видел в ат-Тураби реальную угрозу собственной власти. С другой стороны, аль-Башир понимал, что президент, пришедший к власти под исламскими лозунгами, не мог долго держать такого человека, как ат-Тураби, не у дел. В 1996 г. на прошедших президентских и парламентских выборах аль-Башир был избран президентом страны, а спикером парламента стал ат-Тураби.

Казалось бы, наконец ат-Тураби получил должность, которая позволит ему осуществить задуманное. Но два медведя не смогли долго уживаться в одной берлоге. В 1999 г. ат-Тураби снова попадает в тюрьму, откуда выходит только в 2003 г. Новый срок он получает уже в следующем, 2004 г. Со временем для президента аль-Башира отношения с ат-Тураби превратились в своеобразную игру под названием «посади ат-Тураби». В последний раз ат-Тураби оказался за решеткой после своего комментария на решение Международного уголовного суда в Гааге о выдаче ордера на арест президента аль-Башира. Ат-Тураби не удержался и сказал, что рекомендует президенту явиться с повинной в органы международной юстиции. Очередной арест ат-Тураби прошел пять месяцев спустя после нашей с ним встречи, которая могла бы и не состояться, если бы однажды из чистого любопытства я не задал вопрос Сиддику о том, как поживает ат-Тураби.

– А что, хотите встретиться с ним? – неожиданно спросил Сиддик и то ли от радости, то ли от чего-то другого поехал по встречной полосе. В Судане, как и во многих странах Востока, этим балуются не только рикши, но и обычные легковые авто. – Хорошо, я подумаю, когда лучше организовать вашу встречу. Вы, наверное, удивляетесь, что у нас в Судане можно запросто встретиться с такими людьми, как ат-Тураби, – с некоторым кокетством произнес Сиддик. – Но Судан – открытая страна, и люди здесь готовы к общению со всеми желающими.

– Здорово. Получается, что вы и с президентом аль-Баширом тоже можете организовать встречу? – начал наглеть я.

– Нет, с президентом не могу, – улыбнулся Сиддик. – Вот когда он станет бывшим президентом, тогда пожалуйста... Вот с Нимейри, например, можно было бы увидеться.

Я так и не понял, шутил Сиддик или говорил серьезно, но не стал переспрашивать.

Через несколько дней, как обычно утром, Сиддик приехал за нами с Юлей.

– Куда едем? – спросил я.

– К Тураби-старшему...

Дело в том, что мы к тому времени уже успели познакомиться с племянником ат-Тураби, или ат-Тураби-младшим, – крупным бизнесменом, внесшим большой вклад в развитие исламской экономической модели в Судане.

Ат-Тураби-старший встретил нас в белоснежной одежде. Белозубая улыбка. Озорные глаза в модной оправе очков. Ухоженные руки. И это 76-летний старикан, за спиной которого более 11 лет тюрьмы.

– На каком языке вы предпочитаете общаться: на арабском, английском или французском? – начал беседу ат-Тураби, едва мы присели. – К сожалению, я не владею русским.

– Ну, все еще впереди.

– Да, я хочу изучить русский.

Накануне, лишив себя часа сна, я набросал список вопросов для интервью и уже приготовился задать их, как вдруг шейха ат-Тураби понесло. На протяжении полутора часов он не дал мне вставить хотя бы слово. Я улыбался, соглашался, пытался спотыкаться... Позже, когда Сиддик вез нас в отель, я мучительно пытался вспомнить, о чем же шла речь в эмоциональном монологе ат-Тураби, но так ничего путного и не вспомнил. Поразительно, но такой же «провал» в памяти случился и у Юли.

Наверное, столь же невеселая судьба ждала бы и мое интервью, если бы я вовремя не включил диктофон.

Задать заготовленные вопросы мне удалось не сразу. Зазвучал азан, и я с тревогой уставился на ат-Тураби, но тот все говорил и говорил. Я умоляюще смотрел на него, глупо улыбался, понимая, что в любой момент наша встреча может быть прервана на молитву, а потом придет время покинуть этот гостеприимный дом, где угощают вкусным грейпфрутовым соком. И буду потом вечно корить себя за то, что не спросил самое главное, или, точнее, вообще ничего не спросил. Мне хотелось узнать о взглядах ат-Тураби на конкретные проблемы: исламскую экономическую систему в Судане, актуальность применения мусульманского уголовного права в современном мире, допустимость браков между мусульманкой и немусульманином и т.п.

Я с надеждой посмотрел на Сиддика. Он понял меня и обратился к ат-Тураби, когда тот на мгновение умолк.

– Доктор Тураби, Ренат хочет спросить вас о чем-то.

Воспользовавшись паузой, я затараторил свои вопросы.

Отделить в ответах ат-Тураби общее от конкретного было не легче, чем отделить воду Голубого Нила от вод Белого после того, как обе эти реки сливались в единый поток у острова со странным названием Тути.

Ат-Тураби сыпал метафорами, заразительно смеялся, словно обращаясь не ко мне лично, а к огромной аудитории. Видно было, что этому пророку из Хартума тесно в Судане: его душа хочет быть услышанной во всем мире. Как я ни старался спровоцировать ат-Тураби высказать суждение о ком-либо из политиков, он проявлял чудеса дипломатичности: ни о ком из ныне живущих или давно ушедших он не сказал ничего хорошего и ничего плохого...

В самом конце встречи я подарил ат-Тураби книгу Ефима Резвана «Коран Усмана». Это было подарочное издание на русском и английском языках с диском. Увидев на лице ат-Тураби любопытство, я понял, что не промахнулся с подарком.

Увидев мою визитную карточку, ат-Тураби нахмурил брови.

– У вас необычная фамилия.

– Да, вообще, она немецкая. Но есть мнение, что она происходит от древнего названия Мекки – Бекка.

– В самом деле?! Это замечательно! Вы счастливый.

– Не уверен, но все равно спасибо. Приезжайте в Россию.

– Я был бы рад...

Не будет преувеличением, если скажу, что в Судан стоило приехать ради одной только встречи с Хасаном ат-Тураби – Лениным из Хартума, как называли его то ли в шутку, то ли всерьез некоторые левые.

Теперь, после визита к ат-Тураби, даже встреча с шейхом Мухаммадом 'Али не казалась мне уже столь нереальной, как прежде. Вечером того же дня я справился у Сиддика, когда же наконец придет шейх. Он задумался и не вполне уверенно ответил, что пока не знает.

Мероэ – город четырех тысяч художников

О том, что в Судане имеются свои пирамиды, я узнал еще в Москве. Об этом писал замечательный востоковед Игорь Можейко, более известный российскому читателю как фантаст Кир Булычев. В пирамидах этих когда-то покоились останки местных царей, правивших с 592 г. до н.э. по 350 г. н.э. Долгое время историки старались не замечать цивилизацию, по многим параметрам не уступающую древнеегипетской. Уже шесть тысяч лет назад черные обитатели долины Нила умели изготавливать неплохие горшки, а египтяне переняли их опыт лишь несколько столетий спустя. Говорят, имена кушитских правителей, царствовавших на юге, долгое время были вычеркнуты из истории благодаря египетским историкам, хотевшим, чтобы вся слава досталась Египту. Еще бы, сложно признавать, что ты приобщился к горшку позже другого. Египетские фараоны презрительно именовали кушитов «пожирателями песка». До наших дней дошли изображения жителей юга, сделанные египетскими художниками. Южане изображены там низколобыми губошлепами, преклонившими колени перед благородными египтянами.

Римский географ Плиний Старший не был столь пристрастен к кушитам, как египтяне. В своей знаменитой «Естественной истории» он пишет, что в период расцвета Мероэ мог выставить 250 000 воинов и давал пристанище 4000 художников.

Долгое время для египтян юг был источником золота (само древнеегипетское слово *нуб*, от которого произошло название исторической области Нубия, переводится как золото), живого товара и черного дерева. Египтяне использовали любую возможность напасть на соседей и вернуться с богатой добычей. Впрочем, и южане в долгу не оставались: в период Нового царства им удалось захватить Мемфис и Фивы и посадить на трон в Египте свою собственную династию «черных» фараонов, известную в истории под номером XXV.

Я долго подбивал своего приятеля Стаса, работавшего при ООН, ехать «на пирамиды», но тот отказывался, ссылаясь на то, что это далеко и он не знает дороги. Со мной нередко бывает так, что я долго уговариваю человека что-то сделать, потом забываю, а человек тем временем медленно «созревает». Так и произошло со Стасом.

– Помнишь, ты говорил, что хочешь поехать на пирамиды? – спросил он меня как-то во время совместного ужина.

– Ну, да.

– У меня есть знакомый, он тоже работает в ООН. Мы можем с ним поехать в Мероэ. Надо только ему заплатить. Немного.

«Немного» оказалось около 150 долларов на двоих. Я подумал и согласился.

Развалины древнего города Мероэ расположены примерно в 200 километрах к северо-востоку от Хартума. Добирались мы туда часа три. Благо в не только в Хартуме и Омдурмане, но и в окрестностях неплохие дороги. Не зря, видно, Бин Ладен ел суданский хлеб.

По дороге мы выпили всю воду. Закусывали расплывшимися на жаре бананами, от которых в желудке становилось теплее, чем на улице. Поначалу при подъезде к кладбищу, где когда-то покоились тела правителей и знатных людей Куша, я принял за пирамиды горы шлака и принялся их усиленно фотографировать. Мероэ был центром производства железа, и свидетельства этому были видны повсюду. Вскоре показались и сами пирамиды, расположенные на небольших холмах, окружающих развалины древнего города.

Коричневого цвета, пирамиды Мероэ напоминали издали стершиеся от чрезмерного употребления мяса клыки какого-то хищника. Говорят, в период своего расцвета город Мероэ имел форму щита.

Пустыня, пирамиды и никаких вредных зрителей, как в египетской Гизе. Можно без труда вскарабкаться на любую из пирамид – жаль только низковато: с самой высокой из них не то что Хартума, ближайшей мечети не видать. Кругом только песок да местные жители на верблюдах, выстроенных в прямую линию, как перед боем, в ожидании туристов. Поскольку на тот момент у пирамид никого кроме нас со Стасом не было, избежать контакта с верблюдами и их хозяевами не представлялось возможным.

Те, кто был в Египте у пирамид, хорошо знают, как сильно меняется цена поездки на верблюде в зависимости от того, находишься ты на земле или на самом «корабле пустыни». Но нам со Стасом повезло: не избалованные туристами, суданские верблюжатники, наверное, и не представляли, что так можно поступать с гостями из далеких стран. После недолгих уговоров мы сдались и согласились за три доллара доехать от одной группы пирамид до другой.

Естественным образом возникающий страх, что ты вот-вот упадешь, не отпускал меня большую часть пути. Успокаивало лишь одно: кругом песок, и падать будет не так больно. Всю дорогу я решал для себя одну физическую задачу: если я начну падать, стоит ли держаться за деревянную, фаллической формы палку, прикрепленную к седлу верблюда, или лучше все бросить и получше сгруппироваться для прыжка? Если схвачусь за палку, не потяну ли я за собой верблюда, который повалится на меня и отдавит мне ноги?

Пока я думал над этим, мы приехали. И только тогда я понял, что нет ничего лучше прогулки на верблюде по древнему кладбищу.

На обратном пути нас со Стасом, пожалуй, совершенно незаслуженно успевших приобрести репутацию щедрых туристов, ждали продавцы сувениров. Мальчишки разных возрастов обступили нас, впахивая нам всякую ерунду: в основном вырезанные из песчаника модели пирамид.

Среди мальчишек возвышалась фигура одного худосочного старика. В руке он держал монету с дырочкой.

– Silver coin... Mahdi state... silver¹, – твердил старик.

– Ок, я куплю эту монету, но скажите правду: разве это серебро?

– Silver... Look!²

– Поклянись Аллахом!

Вместо ответа старик махнул рукой и поспешил прочь.

– Хорошо. Я покупаю ее.

После небольшого торга я купил «серебряную» монету за 10 динаров вместо требуемых 100.

ВЕРБЛЮЖЬЕ МОЛОКО

Я пристрастился к верблюжьему молоку несколько лет назад в Дубае. Там оно запросто продавалось в таких же упаковках, в которые в России разливают кефир. Прекрасно утолявшее жажду и восполнявшее запас утраченной энергии, оно казалось мне идеальным напитком для теплых стран.

Отправляясь в Судан, я мечтал, что буду каждое утро выпивать натошак стакан чуть теплого верблюжьего молока, а в конце дня после множества нужных и не очень нужных встреч неторопливо потягивать стаканчик холодного, от которого зуб на зуб не попадает.

В первый же день вечером мы отправились в крупнейший торговый центр «Аффра», где я помимо прочего рассчитывал отведать верблюжьего молока. Но там очень удивились, когда я спросил, где здесь лябан иблий?³ Пришлось довольствоваться свежавыжатым соком гуавы, растекавшимся по пищеводу подобно ленивому объевшемуся удаву.

– Наверное, молоко подают в кафе с национальной кухней, – решил я, еще не представляя, что в Хартуме заведения с несуданской кухней – большая редкость.

Но куда бы мы ни заявлялись с Сиддиком, среди предлагаемых напитков были неизменный каркаде, свежавыжатые соки и, конечно же, пепси-кола и сестра ее «Миринда».

– Как вы можете пить эту гадость, когда у вас есть верблюжье молоко? – спрашивал я суданских коллег, употреблявших в гигантских количествах американскую газировку.

В ответ те лишь усмехались. Наконец Аллах услышал мои мольбы, и не помню, в каком по счету банке, где мы с Юлей интервьюировали руководство на предмет исламских финансов, нас в очередной раз спросили: что будете пить: колу, каркаде или... верблюжье молоко?

¹ Серебряная монета... Государство Махди... Серебряная (англ.).

² Серебряная... Смотрите! (англ.).

³ Верблюжье молоко (араб.).

Я не поверил своим ушам.

– Простите, что вы сказали?

– Верблюжье молоко.

Когда принесли длинные стаканы с мутной белой жидкостью, я забыл обо всем...

До отъезда оставалось несколько дней, и я бы себе никогда не простил, если бы уехал из Судана, вдоволь не напившись верблюжьего молока. Я решил совместить приятное с полезным и снарядил экспедицию на так называемый Верблюжий рынок, располагающийся в северо-западной части Омдурмана – города-спутника Хартума. В состав экспедиции помимо меня вошли мой друг и дальний родственник Дамир – вертолетчик из Уфы, работавший по контракту в Дарфуре, и Стас – в качестве нашего водителя.

Отыскать рынок оказалось не так просто: половина опрашиваемых мною местных жителей не могла понять, чего я хочу, другая половина так объясняла дорогу, что лучше бы я их ни о чем не спрашивал. Главным ориентиром для нас была небольшая карта в моем путеводителе по Африке «Lonely Planet». Наконец мы достигли какого-то рынка. Ехать дальше было невыносимо, и мы побрели пешком до ближайших мясных рядов.

Многочисленные посетители рынка и продавцы смотрели на нас с подозрением. Так смотрят на маленького мальчика, случайно забредшего в баню в женский день. В отличие от Омдурманского рынка, где помимо собственно продуктов питания, продавались сувениры для туристов, товары на Верблюьем рынке предназначались для удовлетворения внутреннего спроса, выражаясь экономическим языком.

Вместо ответа на вопрос о том, где здесь продается верблюжье молоко, мы встречали растерянные улыбки. С трудом нам удалось выведать местоположение мясных рядов, что вселяло определенную надежду: где мясо, там и молоко. Это правило я усвоил, посещая продуктовые рынки в России.

Но верблюжатиной в мясных рядах в буквальном смысле и не пахло: лишь говядина да баранина. Продавцы хором принялись хвалить свой товар, но я только отмахивался: нам верблюду нужен. Понимаешь? Верблюду.

– Нет, верблюжатины вы здесь не найдете.

– Но ведь это же Верблюжий рынок!

– Да здесь по воскресеньям проходит шоу верблюдов, но мясо...

– Нам на самом деле не нужно шоу, и верблюжатины мы тоже не хотим. Мы молока хотим. Верблюжьего.

На наше счастье, один из мясников вспомнил, что где-то поблизости в одной лавке продают молоко в розлив.

Никаких вывесок. Обычная торговая палатка, в которой молодой молочник разливал большим половником молоко в пластиковые бутылки из-под лимонада.

– Вам сколько?

– Полтора, – решил я, – на всю компанию.

Найти дорогу обратно было не легче, чем добираться до рынка. К тому же на обратном пути с машиной что-то случилось: ехали в буквальном смысле по приборам. Намеченная прогулка по ночному Хартуму отменялась. Машина довезла нас до дома Стаса и испустила дух. Больше она не заводилась. Когда мы стали выгружаться, бутылка с молоком оказалась немногим холоднее поверхности машины.

Никому не хотелось пить теплое молоко сомнительного происхождения, и его решили от греха подальше убрать в холодильник. За чаепитием и воспоминаниями о нашем сегодняшнем путешествии, мы вскоре забыли о виновнике наших злоключений – молоке. В итоге Дамир поехал к себе в отель, Стас углубился в Интернет, и мне пришлось употребить молоко самому. Все полтора литра. Я решил не рисковать и, вопреки страстному желанию попробовать холодненького молочка, с любезного разрешения Стаса прокипятил содержимое бутылки. Когда все было готово, предложил ему стаканчик, но тот, сделав испуганное лицо, отказался. Пришлось разбираться с молоком самому. Несмотря на горчинку, свидетельствовавшую о том, что молоко прокисло, первый стакан прошел на «ура». Второй я уже пил спокойно, без фанатизма. Третий прикончил немного погодя, зажевав парой бананов. Четвертый и пятый пить уже не хотелось ни в какую, но я сделал это, памятуя, сколько страданий нам пришлось вынести ради этого молока, которое так предательски подвело нас и прокисло...

Уже по дороге в отель мне стало не по себе. Вся ночь и следующий день были для меня безнадежно испорчены. Было тем более обидно, что это был последний день моей командировки.

Я пришел в себя только к вечеру, когда настало время ехать в аэропорт. Желающих проводить меня оказалось предостаточно – начиная от Стаса и заканчивая представителем посольства. Все были наслышаны, что я набрал в Хартуме чемодан книг.

Сиддик тоже приехал проводить меня, да не один, а вместе с женой и дочкой. Все его семейство включая его самого было облачено в национальную одежду. В руке Сиддик держал мешок лаймов, которые я так полюбил в Судане.

Обнимая Сиддика, я шепотом спросил: «Вернулся ли шейх Мухаммад ‘Али?»

Сиддик улыбнулся: «Еще нет, но, думаю, он будет доволен тем, как я вас принял».

– Несомненно, – улыбнулся я в ответ. – Передавайте ему наш большой салам.

Слоняясь по залу ожидания в аэропорту, я подумал: «Может и в самом деле не существует никакого шейха Мухамада ‘Али? Но с кем же я тогда говорил по телефону?..» Решил по приезде позвонить ему, но так и не решился. Надо сначала подтянуть арабский...